

А. В. СУХОВО-КОБЫЛИНЪ.

I.

1-го Марта 1910 года пришелъ ко мнѣ приобрести ту книжку „Русскаго Архива“, гдѣ напечатана статья А. А. Голомбѣвскаго про убіеніе Француженки Симонъ. Имѣю я обычай разспрашивать приходящихъ ко мнѣ въ первый разъ; оказалось, что это Кузьма Андреевичъ Черемисиновъ. Онъ въ теченіи двадцати лѣтъ служилъ у Сухово-Кобылина и теперь живетъ въ услуженіи у его дочери вдовы, графини Луизы Александровны Фальтанъ, которая владѣетъ въ Чернскомъ уѣздѣ его помѣстьемъ Кобылинкою. Сухово-Кобылинъ былъ женатъ два раза, съ 1857 года на баронессѣ Марьѣ Ивановнѣ Дебуграмъ, а потомъ съ 1863 года, на какой-то Англичанкѣ ¹⁾. Обѣ онѣ рано умерли; но у него осталась дочь, на которой женился графъ Исидоръ Фальтанъ, служившій во Французскихъ гусарахъ (братъ его женатъ на дочери той Надежды Ивановны Нарышкиной, рожд. Кюрингъ, которая уѣхала во Францію, скоро послѣ гибели Луизы Симонъ и по кончинѣ супруга своего (1855), Александра Григорьевича Нарышкина, вышла за мужъ за Дюма-сына.

По словамъ Черемисинова, Сухово-Кобылинъ былъ добрый хозяинъ и не позволялъ себѣ драться, и подначальнымъ въ хозяйствѣ тоже.

Въ Кобылинкѣ былъ пожаръ, истребившій многія его бумаги, въ томъ числѣ переводъ Гегеля, но сохранился дневникъ. Графиня Луиза Александровна, пріѣзжая въ Москву, останавливается у Антипія, въ домѣ Петрова-Соловова, т. е. у племянника своего отца; постоянно же живетъ она въ восьми верстахъ отъ Ниццы, въ Больѣ, гдѣ и похороненъ Сухово-Кобылинъ (передъ смертью причастившійся святыхъ таинъ). У него была еще третія сестра Софья Васильевна незамужняя, художница, занимавшаяся живописью.

4 Марта пришелъ ко мнѣ вторично Черемисиновъ и приносилъ прочитать выдержки изъ дневника, который велъ Сухово-Кобылинъ про себя. Тутъ я услышалъ трогательныя упоминанія о Луизѣ Симонъ, относящіяся къ разнымъ годамъ. По словамъ Черемисинова, Сухово-Кобылинъ, пріѣзжая въ Москву, ходилъ пѣшкомъ на ея могилу, что на Введенскихъ горахъ ²⁾. Портретъ ея постоянно висѣлъ у него надъ кроватью. Эти выдержки изъ дневника,

¹⁾ Намъ приходилось слышать и о третьей супругѣ—Русской.

²⁾ A la chère et triste mémoire de Louise Elisabeth Simon, née le 1 Avril 1819 † le 7 Novembre 1850 Иновѣрцеское кладбище на Введенскихъ горахъ. въ склепѣ построенномъ А. В. Сухово-Кобылинымъ: здѣсь же погребенъ графъ de Faltant, майоръ Французской службы, женатый на дочери Сухово-Кобылина, Луизѣ Александровнѣ (Московский Некрополь, изданіе Великаго Князя Николая Михайловича).

напечатаны въ 5-й книжкѣ „Русской Старины“ нынѣшняго года, какъ приложеніе къ статьѣ А. М. Рембелинскаго, содержащей въ себѣ новыя подробности о убіеніи Француженки и между прочимъ, показанія прикосновеннаго къ этому дѣлу Е. М. Теокистова, которой, сдѣлавшись начальникомъ управленія по дѣламъ печати, не позволилъ появиться въ 5-й тетради „Русскаго Архива“ 1881 года слѣдующему мѣсту въ Запискахъ К. Н. Лебедева:

Дѣло объ убійствѣ Француженки Луизы Симонъ-Деманшъ.

Луиза была вывезена любовникомъ своимъ А. В. С.-К. изъ Парижа въ 1838 г. Убита 8 Ноября 1850 года въ Москвѣ. Есть неясность и невѣроятность въ показаніи сознавшихся убійць, не совсѣмъ достоверно самое слѣдствіе; но прикосновенность лицъ высшаго круга, а также виновность повара Егорова и кучера Кузмина, по мнѣнію моему, не сомнительны. Переписка, въ небольшомъ количествѣ листовъ приобщенная къ слѣдствію, чрезвычайно любопытна; особенно любопытны письма самой Деманшъ, впрочемъ довольно безграмотныя; потомъ письма графини С—съ. Эти письма—курсъ Французскихъ развратныхъ правилъ, подробно и дѣльно изложенныхъ на 6 листахъ, произведеніе знаменитой писательницы. Есть письма, дышашія невинною, страстною любовью; есть вопли упрековъ и отчаянія. Въ письмахъ самого любовника выражается постоянно какое-то самодовольство. Грустно видѣть эту Француженку, залетѣвшую въ Москву, чтобъ кончить ужасной смертью, и этихъ барышень и барынь попирающихъ права семейныя, и этого даровитаго С.-К. поглощеннаго интригами и, наконецъ этихъ крѣпостныхъ, отданныхъ господиномъ въ рабство своей Французской любовницѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что убійство совершено рассчитано, изъ видовъ и хладнокровно. Дѣло это поставлено Илличевскимъ въ самое затруднительное положеніе: двѣ недѣли журналъ консультаціи ожидалъ разсмотрѣнія, двѣ недѣли разсматривается и вѣроятно еще будетъ разсматриваться. Вопросъ идетъ о томъ: назначить ли новое слѣдствіе или рѣшить дѣло по показанію людей. Я не ожидаю ничего отъ новаго слѣдствія.

А. В. СУХОВО-КОБЫЛИНЪ И ФРАНЦУЖЕНКА СИМОНЪ.

(По поводу статьи А. А. Голомбѣевскаго: «Драма въ жизни писателя»).

Во второмъ выпускѣ „Русскаго Архива“ нынѣшняго года А. А. Голомбѣевскій попытался поднять завѣсу, которая опустилась на кровавое дѣло, породившее столько рассказовъ и сплетень. Попытка г. Голомбѣевскаго, однако, тайны не открыла вполнѣ, и роль А. В. Сухово-Кобылина въ житейской драмѣ такъ и осталась неопредѣленною.

Убійца онъ, или нѣтъ?

А. А. Голомбiевскiй говоритъ, что „судейскiй ходатай, писавшiй „рукоприкладства“ осужденнымъ крѣпостнымъ людямъ Сухово-Кобылина, былъ правъ. сказавъ, что „тайна сiя извѣстна одному Всевышнему Творцу, отъ Котораго не скрыто“, кто былъ „жертва случая“, и кто истинный виновникъ трагической смерти Московской купчихи Луизы Ивановны Симонъ-Деманшъ“...

Судейскiй ходатай, какъ оказывается, не совсѣмъ былъ правъ, и „тайна сiя извѣстна“ не одному только Всевышнему Творцу. Въ самомъ дѣлѣ, въ Майской книжкѣ „Русской Старины“ г. А. М. Рембелинскiй, ближайшiй сосѣдъ А. В. Сухово-Кобылина по имѣнiю въ Чернскомъ уѣздѣ, Тульской губернiи, рассказываетъ слышанное имъ отъ бывшаго начальника управленiя по дѣламъ печати Е. М. Ѳеоктистова, именно: „Сухово-Кобылинъ охладѣлъ къ Французенкѣ и замѣнилъ ее новымъ предметомъ страсти *). Французенка была крайне ревнива. 7 Ноября 1850 года вечеромъ, она, прiйдя неожиданно на квартиру Сухово-Кобылина, застала тамъ г-жу Н. Между двумя соперницами произошла бурная сцена, пылкая Французенка оскорбила Н. дѣйствиємъ, ударивъ ее по лицу. Не менѣе пылкiй Сухово-Кобылинъ, видѣ себя, схватилъ первый попавшiйся ему предметъ подъ руку, тяжелый канделябръ съ камина, пустилъ имъ во Французенку, попалъ ей прямо въ високъ и убилъ ее на повалѣ! Тогда что дѣлать? Онъ якобы призываетъ своихъ крѣпостныхъ людей и, подкупивъ ихъ деньгами и обѣщанiемъ выдать вольныя, убѣждаетъ ихъ вывезти трупъ за заставу и принять вину на себя, обѣщая сверхъ всего свое покровительство и заступничество передъ судомъ.“ Ѳеоктистовъ былъ прикосновененъ къ дѣлу Сухово-Кобылина.

По г. А. М. Рембелинскому, это „маловѣроятная версiя“ и вздорная болтовня. Что дѣлать! А мы, опираясь на свидѣтельство родственнаго А. В. Сухово-Кобылину и по сейчасъ здравствующаго лица, вѣримъ, что нашъ извѣстный писатель, дѣйствительно, былъ убійцей Французенки Симонъ. И не одна только эта родственница знаетъ про „драму въ жизни писателя“: эта драма не тайна и для многихъ другихъ Сухово-Кобылинскихъ родственниковъ: но имъ ли поднимать завѣсу надъ печальною былью, почти поросшей травой забвенiя?

Убiйство Симонъ совершено, какъ мы слышали, въ „состоянiи запальчивости и раздраженiя, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренiя“. Это, конечно, весьма смягчаетъ вину, но не уничтожаетъ были. Передъ отправле-

*) Къ Нарышкиной.

ніемъ на балъ, въ квартирѣ А. В. Сухово-Кобылина, у него произошло крупное объясненіе съ ревнивой Француженкой. Слово-за-слово, и Сухово-Кобылинъ, не владѣя собою, съ такою силою толкнулъ Симонъ, что она ударилась головою о каминъ и мертвою упала на полъ. Будущій писатель-сатирикъ мгновенно пришелъ въ себя и почувствовалъ весь ужасъ только-что содѣяннаго. Тутъ на помощь злополучному барину явился любившій его и рабски ему преданный поваръ Ефимъ Егоровъ, который принялъ вину на себя. Онъ былъ за это щедро награжденъ. Ужь онъ готовъ былъ къ путешествію „по Владимиркѣ“, и не одинъ, а съ „соучастниками“; но правда восторжествовала: невинные не пострадали.

Между тѣмъ, что слыпалъ А. М. Рембелинскій отъ Θεоктистова, и что знаемъ мы, разница въ подробностяхъ; но суть, не въ томъ, присутствовала или нѣтъ Нарышкина въ квартирѣ Сухово-Кобылина, и не въ способѣ убійства, а въ самомъ убійствѣ.

Да, Сухово-Кобылинъ убилъ свою любовницу Симонъ, тосковалъ впоследствии по ней; но говорить, чтобы драма, повлекшая тюремное заключеніе, слѣдствіе и всю тяжесть тогдашней судебной волокиты, такъ отразилась на немъ, что „изъ жизнерадостнаго и безпечнаго Россійскаго дворянина Сухово-Кобылинъ вышелъ озлобленнымъ и мрачнымъ обличителемъ“, не совсѣмъ основательно*).

Что за озлобленность, если Сухово-Кобылинъ продолжалъ исправно платить дань сердцу, а оно еще не перестало и хотѣло любить. Онъ понималъ Аристофана въ „Лизистратѣ“ („и съ женщинами житья нѣтъ, и безъ нихъ жить невозможно“, и увлекался).

„Однолюбомъ“, подобно И. С. Тургеневу, А. В. Сухово-Кобылинъ не былъ. Симонъ Нарышкина, — только-ли двѣ героини его романа. Онъ былъ дважды женатъ: на Англичанкѣ и на Француженкѣ, но скоро вдовѣлъ. Только послѣ того, какъ онъ убѣдился, что семейный очагъ не для него, Сухово-Кобылинъ повелъ замкнутую жизнь, большею частью, за границею и отдался занятіямъ Гегелевской философіей. Но что значить замкнутость барина, живущаго въ земномъ раю въ родѣ Болъё? И отъ кого онъ замкнулся? Вѣдь не отъ тѣхъ, кто были ему дороги и милы. Отъ литературнаго-же круга онъ всегда сторонился. Не таковъ-ли почти былъ и племянникъ его, графъ Е. А. Салиасъ, извѣстный романистъ?

Въ статьѣ А. А. Голомбѣевскаго говорится, что послѣ слѣдствія и тюремнаго заключенія „въ душѣ его (Сухово-Кобылина) закипѣла

*) Русскій Архивъ, кн. 2, стр. 244.

сатира. Явились „Свадьба Кречинскаго“, „Дѣло“ и „Смерть Тарелкина“. „Свадьба Кречинскаго“, эта блестяще написанная комедія, носитъ анекдотическій характеръ и не имѣетъ никакого отношенія къ Московской исторіи. Кречинскій, можетъ-быть, подлинный Крысинскій, принятый въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ тѣхъ временъ, шулеръ и левъ. Этого плута-Поляка и изобразилъ Сухово-Кобылинъ, и знаменитый В. В. Самойловъ, представляя Кречинскаго на сценѣ Александринскаго театра, недаромъ говорилъ съ Польскимъ акцентомъ.

Комедія „Свадьба Кречинскаго“. драма „Дѣло“ и комедія-шутка. „Смерть Тарелкина“ (трилогія) составили книгу: „Картины прошедшаго“ (М. 1869). Въ ней любопытенъ: эпиграфъ

Wer die Natur mit Vernunft ansieht, den sieht sie auch vernünftig an. Hegel.
Логик. Какъ аукнется, такъ и откликнется.

и послѣсловіе:

„Еслибы за всѣмъ этимъ, мнѣ предложенъ былъ вопросъ: гдѣ же это я, такъ-таки, такія Картины видѣлъ?... то я долженъ сказать полага руку на сердце:

Нигдѣ!!!... и—вездѣ...

Wer die Natur mit Vernunft ansieht, den sieht sie auch vernünftig an.

Какъ аукнется, такъ и откликнется“.

Русская поговорка даетъ поводъ къ обширнымъ толкованіямъ и обобщеніямъ. Можно уйти довольно далеко и не заблудиться: аукнулось въ квартирѣ Сухово-Кобылина 7 Ноября 1850 года, откликнулось... но тутъ на память приходитъ могучій Хомяковскій стихъ: „въ судахъ черна неправдой черной“, который одинъ стодитъ и драмы „Дѣло“, и комедіи „Смерть Тарелкина“.

Многое изъ того, что нами сказано, идетъ почти въ разрѣзъ съ тѣмъ, что доселѣ сообщалось въ печати объ А. В. Сухово-Кобылинѣ: но если „завѣсы“ коснулись, пусть-же она и поднимется до конца. „Тайна полишинеля“ какая-же тайна! *)

Павель Россіевъ.

*) Касательно того, что у убитой Симонъ „зіяла рана на горлѣ“ и т. д., не постарались-ли для барина крѣпостные? Въ награду обѣщано было гораздо болѣе 10 тысячъ. Отрывки изъ сантиментальнаго дневника А. В. Сухово-Кобылина (Русская Старина, Май с. г.), можетъ быть, подтверждаютъ только Ришпена: „безполезныя жертвы не суть-ли и самыя прекрасныя?“ и незабвенныя..